

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ПЕЙЗАЖ
НОЧНОГО ВИДЕНИЯ**

Москва 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Пейзаж ночного видения / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101405-6

У майора спецназа ФСБ Вадима Репнина с международным террористом Нарбулой — личные счеты. Первый раз бандиту удалось уйти от федералов во время спецоперации в одном из кавказских сел. Позднее Нарбула объявился в Крыму. Репнин со своей группой организовал новый захват, но опять безуспешно: в последний момент главарь бежал через подземный ход. Майору становится известно, что на берегу моря обустроена перевалочная база террористов. Там же замечен и Нарбула. Репнин разрабатывает план очередной операции. На этот раз ошибки быть не должно. Но ситуация складывается так, что спецназовцы сами оказываются в ловушке, выбраться из которой живыми практически невозможно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101405-6

© Тамоников А. А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

От автора

ГЛАВА 1

Мирное село Харзрум Алгабекского района, затерянное в глуши Кавказских гор, отходило ко сну. Стихали дневные звуки, тускнели краски. С востока подкрадывалась темнота. Небо обложили тучи — обычное явление для второй половины сентября. Округа замирала. У подножия величавой Шайтан-горы, на склоне которой приютился аул, скапливался туман.

В давние времена аул Харзрум имел выгодное оборонительное положение — царские войска брали его неделю, погибло много солдат. Дома теснились уступами на склоне, каждое здание окружал каменный забор, и добраться до них по дороге противник не мог. Сюда аул защищала отвесная стена Шайтан-горы. Со временем этот фактор потерял значение, теперь подъезд имелся к каждому строению. Аул разросся, превратился из крепости в село, но горцы по старой традиции про-

должали возводить дома на уступах, обращая фасады к югу — чтобы защищать свои жилища от промозглых северных ветров и максимально использовать солнечный свет. У подножия горы располагалось сочное пастбище, где пасся местный скот, за лугом протекала извилистая речка.

Туман поднимался с пастбища, облизывал каменные террасы, тушевал петляющие по склону тропы. На западной окраине Харзрума, выходящей к извилистому Панкайскому ущелью, было тихо. На клочках каменистой земли ютились захиревшие автомастерские, дома не самых обеспеченных местных жителей. Отсюда начиналась улица Джалиля, которая проходила через весь аул — в том числе через полицейский участок и поселковую администрацию. Там же находилась небольшая мечеть, увенчанная минаретом. От забора перед станцией техобслуживания осталось одно название. Но в мастерской за коваными воротами, видимо, еще хранилось что-то ценное. Заскрипела калитка, вставленная в покосившиеся ворота, и из нее высунулась черная от грязи и загара физиономия паренька-подростка, стрельнула глазами по сторонам. Мальчишка вылез, прислушался. В округе было тихо. Смеркалось. Величаво вздымались заросшие лесом вершины. Влево убегала дорога — пропадала в каменистой

низине, а далее серпантином сбегала в ущелье. В окрестных домах за окнами мерцал свет. Паренек, передвигавшийся в рваных кроссовках почти бесшумно, проказливо ухмыльнулся. За его спиной висел мешок, набитый металлическими предметами. Согнувшись в три погибели, малолетний воришка пробежал через двор — ноша за спиной негромко позвякивала, — перелез через поваленную секцию забора и спустился в канаву, идущую вдоль грунтовой дороги. Терпения хватало — вместо того чтобы припустить подальше от места «преступления», он несколько минут выжидал, прислушивался, воротил нос по ветру, собираясь выйти на дорогу, и уже полез вверх, но что-то насторожило паренька. Он застыл.

Чуткое ухо уловило гул. Со стороны ущелья приближалась машина. Мальчишка спустился на дно канавы и на всякий случай пристроил подальше от себя мешок с наворованным добром. Он терпеливо ждал. Машина не появлялась. И звук работающего мотора оборвался. Видимо, она остановилась в низине, заваленной камнями, — до нее отсюда было метров полтора. Пацан удивился, задумчиво почесал вихор. Скорее всего, водитель не пожелал въезжать в аул, высадил пассажиров в низине. В темном воздухе заколыхались фигуры — люди гуськом поднимались на дорогу. Их было

четверо. Снова завелся двигатель, но проработал недолго — очевидно, водитель съехал с дороги, чтобы не мозолить глаза редким автомобилистам. Пацаненок превратился в неподвижный камень, перестал дышать. Люди шли молча, стараясь не шуметь, и при этом тяжело дышали — пришлось подниматься по склону. Звякнул металл. Что такое оружие, на Кавказе знали даже новорожденные, поэтому мальчишка не удивился, но ему стало немного не по себе. Эти четверо были не местные, одеты хоть не в камуфляж, но как-то по-походному. Впереди вышагивал приземистый небритый тип с густыми бровями и крючковатым носом. Уроженец Закавказья — вряд ли с Северного Кавказа. Он нес в руках охотничий карабин, напоминающий автомат Калашникова. У идущего за ним оружия на первый взгляд не было, если не замечать оттопыренный бок. Рослый, подтянутый, с тяжелым взглядом, рыскающим по округе. Ему было немного за сорок, большие колючие глаза, окладистая стриженная бородка, руки он держал в карманах длинной брезентовой куртки. У двух последних была славянская внешность — первый постарше, второй моложе. Оба несли гладкоствольные охотничьи карабины. Последний постоянно озирался и наступал на пятки товарищу.

— Микола, мать твою, все ноги оттоптал... —

шипел тот. — Куда торопишься, кретин? А ну, отстань...

— Так не видно ні хріна в цій темнотюке... — бурчал на украинской мове замыкающий. — Довго ще тягнутися? Приперлися на край світу, блін... Чуеш, Нарбула, довго ще телепать?

— Микола, пасть закрой! — бросил через плечо мужчина с окладистой бородкой. У него был отличный русский язык, почти без акцента, и запоминающийся бархатный баритон. — Когда надо, тогда и придем. Звиад, еще метров двести, за овчарней — направо.

— Понял, Нарбула, не промажем, — проворчал возглавляющий процессию грузин. Вот он говорил с сильным акцентом.

— За овчарней, — усмехнулся украинец. — Там овчарок держат?

— Овец, тьма ты необразованная, Микола, — буркнул второй обладатель славянской внешности.

Странная процессия растворилась в полумраке. Голоса затихли, и снова навалилась глухая тишь. Мальчишка в канаве облегченно перевел дыхание. Обнял свою добычу, выбрался на дорогу, наострился перебежать к противоположной обочине, но вдруг остановился, скорчил задумчивую мину, уставившись вслед незнакомцам. Проснулось любопытство, сгубившее не одну тысячу ко-

шек... Он колебался — с одной стороны, страшно, с другой — интересно. Люди незнакомые, кто такие, куда идут? В итоге любопытство перетянуло. Пацаненок спустился в канаву за дальней обочинной, пристроил там мешок, выбрался и припустил на цыпочках за незнакомцами...

Он догнал их, когда они сворачивали в переулок, приглушенно ругаясь. Еще бы не ругаться — запашок вблизи овчарни царил знатный. Люди пропадали в узком пространстве между заборами, в него с трудом могла бы протиснуться машина, а мальчонка, прижимаясь к ограде, крался за ними. В этой части аула на краю проулка располагалось лишь одно домовладение. Перед ним раскинулся пустырь, за пустырем — уложенные штабелями бетонные блоки, ржавый трактор без гусениц, давно превратившийся в унылый памятник. Домовладение находилось на краю утеса — с трех сторон его окружали каменные горки, а с юга придомовой участок террасами сползал с горы. Вереница людей свернула за бетонную горку, подошла к забору. Калитка была открыта — видимо, хозяина предупредили. Они вошли по одному, пропали. Звякнула задвижка. Пацаненок завертелся на месте, потом метнулся к засыхающему буку, торчащему на краю участка в стороне от ограды, и вскарабкался наверх. С высоты открылся вид на пустой

двор, крыльцо, темные силуэты сараев на западном краю участка. Хозяин гостей не встречал — они пересекли двор, поднялись на крыльцо и скрылись в доме. В окне за шторами поблескивал огонек. На крыльце над дверью горела лампочка — освещала крыльцо и часть дорожки к калитке.

Мальчишка спрыгнул на землю. Обитателя этого дома знал весь аул, хотя никто с ним особо не водился. Берслан Мурзаев, угрюмый мужчина средних лет, когда-то трудился в районной милиции, имел семью. Потом случился скандал на работе, с треском уволился. В тот же год семья погибла в горах при сходе селя. Берслан примчался на место трагедии, весь белый, как призрак. Несколько дней спасатели не могли откопать погибших, а когда откопали, он окончательно превратился в ходячего мертвеца. Думали, свихнется, но как-то оправился, замкнулся еще больше, стал мрачным, нелюдимым. С сельчанами почти не общался, жил один, перебивался случайными работками. Собака, что всю жизнь на цепи просидела — злая, звероподобная кавказская овчарка, — сдохла недавно от старости. С каких это пор Берслан стал принимать такие многочисленные компании?

Паренек размышлял недолго. Стоит заработать пару баллов в глазах местного участкового,

а то ведь посадит скоро! Несколько раз ловил на мелких кражах, терпение у мента лопнет и отправит его, как пить дать, на «малолетку»! Мальчишка, пригнувшись, побежал к переулку, выскочил на улицу Джалиля и припустил на восток, к центральной части поселка. В этих краях еще не утихла жизнь, у кого-то в гараже работала машина, смеялись люди на веранде, попивая вино собственного приготовления. К ограде бросилась собака, облаяла парнишку. Он с бега перешел на шаг, отдышался и вскоре подошел к монолитной кирпичной ограде, у которой стояли «Жигули» 14-й модели с работающим двигателем. Участковый машину еще не загнал, калитка была открыта. Паренек просочился внутрь. Дверь в дом тоже была распахнута. Классика жанра: оттуда доносились бурные звуки семейной ссоры. Визжала супруга — достопочтенная Фатима, бросала на пол посуду (в основном небьющуюся). Орал и старший лейтенант полиции Ильдар Канбулатов.

— Кобель несчастный, как тебе не стыдно?! — поносила мужа жена. — И не прикрывайся работой — ты всегда ею прикрываешься! Опять у своей медсестры в районной больнице был? Я знаю, ты с ней встречаешься, мне люди рассказали! Как ты можешь, Ильдар, ведь я отдала тебе лучшие годы

своей жизни! Посмотри, скотина, ты даже помаду с воротника не стер!

По заведенной на Кавказе традиции, муж не оправдывался, а сам переходил в наступление:

— Ты что себе позволяешь, женщина?! — рычал он. — Совсем в истеричку превратилась! Я работал, у меня дела в районе! А ты сидишь одна весь день, в доме не убрано, дети не ухожены, неизвестно чем занимаешься! Никакой ответственности у тебя нет за наш дом! Зато фантазия разыгралась, хоть кино снимай! Это не помада, это кровь, поняла, да? Утром брился, порезался!

— Порезался, да? — зловеще хохотала достойная Фатима. — Может, экспертизу проведем, выясним, что это за кровь? Учти, Ильдар, если это не прекратится, я поеду в больницу и лично сниму скальп с твоей любезной Мадины — она давно это заслужила! А завтра все расскажу своему отцу, у него знакомые в администрации, мы живо тебе укоротим, чем ты там работаешь по вечерам!

— А ну, цыц, баба! — взревел участковый. — Я не потерплю, чтобы какая-то шалава меня оскорбляла в моем доме! Кто зарабатывает тебе на жизнь, кто покупает тебе все шмотки?! А ну, знай свое место! Посмотри на себя, на кого ты похожа! За собой не следишь, волосы комком, в постели — полено!

Истерика разгоралась. Участковый уже не отрицал свою вину — мол, лучше секс без брака, чем брак без секса. Шум скандала проникал на улицу, ублажал слух соседей. Паренек передумал заходить — с ухмылкой вернулся на улицу и позвонил в звонок, висевший на калитке. Через минуту за скрипели половицы на крыльце, затопали сапоги. Калитка открылась, и в проеме образовалась рослая фигура участкового. Мордатый, взъерошенный, он еще не снял форму, китель был расстегнут, на боку болталась кобура.

— Бахадур? — Какого хрена? Чего тебе надо, щенок?

— Что, Ильдар, злая жена покусала? — не удержался парнишка и тут же взмолился при виде багровеющего участкового: — Ой, прости, Ильдар, не хотел...

— Дождешься, шалопут, посажу тебя в тюрьму... — пообещал участковый и, соорудив презрительную мину, взял пацана за шиворот: — Шпионишь, шкет? Пойдем в участок?

— Ну, Ильдар... — заныл непутевый представитель подрастающего поколения.

— Не Ильдар, а товарищ старший лейтенант.

— Ну, товарищ старший лейтенант... Блин, да отпусти ты меня, чего вцепился! — Мальчишка вырвался и сам соорудил злое лицо: — Больно на-

до за тобой шпионить, тебя и так вся улица слышит. Дело у меня к тебе, Ильдар.

— Так выкладывай, — прошипел участковый, — и побыстрее. Не видишь, я занят!

— К Берслану Мурзаеву гости пришли... — Бахадур понизил голос, зыркнул по сторонам и выпалил все, что удалось увидеть: — Четверо их, Ильдар, с оружием они, шли, как воры, и машину в ущелье оставили, чтобы не шуметь...

— Ну, и что в этом криминального? — фыркнул Канбулатов. Действительно, не Москва же. Люди постоянно навещают друг друга, да и оружием на Северном Кавказе мало кого удивишь. Можно подумать, у участкового дел других нет.

— Ну, смотри, Ильдар, тебе решать, — пожал плечами пацан. — Мое дело предупредить. Хотел как лучше. Я же не преступник какой-нибудь, хм...

— А ты сам в тех краях что делал? — насторожился участковый.

— А тебе какая разница? — рассердился Бахадур. — Гулял, не имею права гулять? Что ты вечно меня за жулика держишь? Подумаешь, попался пару раз. Мог и не попасться... — Мальчонка смутился, откашлялся: — В общем, сам решай, Ильдар. Ты власть, тебе и думать. Один из них точно грузин, Звиадом зовут. Второй вроде русский, третий — украинец Микола, только по-ихнему и че-